

© 2025. Н. Г. Коптелова

Костромской государственный университет
г. Кострома, Россия

Элегии А. И. Готовцевой 1820-х гг.: генезис и поэтика

Исследование выполнено в Костромском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00058 «Поэтическое наследие А. И. Готовцевой: подготовка к научному изданию», <https://rscf.ru/project/24-28-00058/>

Аннотация: В статье прослеживается генезис и анализируется поэтика элегий Готовцевой 1820-х гг., созданных в поле притяжения к традиции Ламартина. Подчеркивается, что уже в вольном переводе ламартиновской элегии «Одиночество» отчасти проявилась творческая индивидуальность Готовцевой. В стихотворении «Надежда» поэтесса откликается на мотивы из элегии Ламартина «Человек (К Байрону)». Выявляется, что смысловая полифония этого произведения Готовцевой обеспечивается реминисценциями из элегии Батюшкова «Надежда», из оды Державина «На смерть князя Мещерского», а также из Псалтири и Требника. Отмечается, что в элегии «Осень» Готовцева наследует от Ламартина параллелизм образов природы и человеческого существования. Поэтесса преодолевает чувство безутешной горечи и утверждает идею вечной жизни, активно используя христианские мотивы.

Ключевые слова: А. И. Готовцева, А. де Ламартин, элегия, генезис, поэтика, традиция, мотив, библейские реминисценции, пасхальность.

Информация об авторе: Наталия Геннадьевна Коптелова, доктор филологических наук, профессор, Костромской государственный университет, ул. Дзержинского, д. 17/11, 156005 г. Кострома, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

E-mail: nkoptelova@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 21.03.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 30.05.2025

Дата публикации статьи: 25.09.2025

Для цитирования: Коптелова Н. Г. Элегии А. И. Готовцевой 1820-х гг.: генезис и поэтика // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 3. С. 6–31. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-6-31>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 3, 2025, pp. 6–31. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 3, 2025, pp. 6–31. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. **Nataliya G. Koptelova**
Kostroma State University,
Kostroma, Russia

Elegies by A. I. Gotovtseva in the 1820s: Genesis and Poetics

Acknowledgments: This work was carried out at Kostroma State University with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 24-28-00058 “The Poetic Heritage of Anna Ivanovna Gotovtseva: Preparation for a Scientific Publication” (<https://rscf.ru/project/24-28-00058/>).

Abstract: The article traces the genesis and analyzes the poetics of Gotovtseva’s elegies of the 1820s, created within her attraction to Lamartine’s tradition. We emphasize that a free translation of Lamartine’s elegy “Loneliness” already shows the creative uniqueness of Gotovtseva. In “Hope,” the poet responds to the motifs of Lamartine’s elegy “On Man (To Lord Byron)”. The semantic polyphony of this poem by Gotovtseva is provided through reminiscences from Batyushkov’s elegy “Hope,” from Derzhavin’s ode “To the Death of Prince Meschersky,” as well as from the Psalter and the Book of Prayers. The article notes that in “Autumn,” Gotovtseva inherits images of nature and human beings from Lamartine. The poet overcomes the feeling of inconsolable bitterness typical of Lamartine and asserts the idea of eternal life through the active use of Christian motifs.

Keywords: A. I. Gotovtseva, A. de Lamartine, elegy, genesis, poetics, tradition, motif, biblical reminiscences, paschality.

Information about the author: Nataliya G. Koptelova, DSc in Philology, Professor, Kostroma State University, Dzerzhinskogo 17/11, 156005 Kostroma, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

E-mail: nkoptelova@yandex.ru

Received: March 21, 2025

Approved after reviewing: May 30, 2025

Published: September 25, 2025

For citation: Koptelova, N. G. “Elegies by A. I. Gotovtseva in the 1820s: Genesis and Poetics.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 3, 2025, pp. 6–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-6-31>

В настоящее время исследование творчества А. И. Готовцевой находится на стадии предварительных размышлений. Долгое время ракурс изучения ее поэзии, избранный отечественными учеными, был ориентирован главным образом на рассмотрение лирического диалога Готовцевой с А. С. Пушкиным [Северные цветы: 178–182], а также на реконструкцию биографического и литературного контекстов этого диалога [Бочков], [Лебедев], [Вацура 2004], [Чупринова: 47–57], [Романова], [Коптелова 2024b]. До сих пор образно-мотивная система поэзии Готовцевой еще детально не проанализирована. Ее генезис прояснен только отчасти [Романова], [Коптелова 2024a], [Коптелова 2024b]. Не раскрыты и многие особенности поэтики готовцевской лирики. А между тем исследование разнонаправленных художественных исканий Готовцевой даст представление и о некоторых ключевых особенностях русской женской поэзии первой половины XIX в. в целом.

В предложенной статье мы проанализируем три элегии Готовцевой 1820-х гг. («Одиночество», «Надежда» и «Осень»), имеющие некоторые общие философско-литературные истоки и пересечения в области поэтики и вместе с тем обозначающие вектор творческой эволюции костромской поэтессы.

По-видимому, после поездки к Ю. Н. Бартеневу в Москву в 1850 г. Готовцева при его содействии намеревалась издать сборник своих стихотворений. На это указывает В. Н. Бочков [Бочков: 153]. Поэтесса отправила старшему другу и наставнику по почте тетради своих произведений (обе хранятся в РГАЛИ). На первом листе рукописи, играющем роль обложки будущего поэтического сборника, рукой Готовцевой написано: «Стихотворения А. И. Корниловой, урожденной Готовцевой» [Готовцева 1851: 1]¹. В правом верхнем углу листа сделана надпись

¹ Готовцева А. И. Стихотворения А. И. Корниловой, урожденной Готовцевой [1851] // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 1.

«10-го августа 1851 в Москве» почерком, не похожим на почерк Готовцевой¹. Возможно, эта помета принадлежит Ю. Н. Бартеневу. Корпус стихотворений, отправленных покровителю, поэтесса сопроводила «Предисловием»². В нем она дала перечень своих стихотворений. Слева, перед названием произведений, Готовцева обозначила дату их написания, а справа в скобках по памяти указала названия изданий, где некоторые из них были опубликованы. В «Предисловии» Готовцева определенным образом выразила авторскую волю, наметив проект будущего поэтического сборника. Названный источник дает ценные сведения о концепции задуманного издания, его архитектонике, предварительно обдумываемой Готовцевой, а также об основах художественной целостности ее творческого наследия в целом. Но это не значит, что авторское «Предисловие» не может быть подвергнуто критическому анализу, что все сведения, в нем содержащиеся, абсолютно достоверны и их следует принимать на веру.

«Предисловие» открывается названием первой публикации Готовцевой, представляющей собою перевод элегии Альфонса де Ламартина «Одиночество» и датированной автором 1823 г. И здесь уже есть основание уличить поэтессу в ошибке памяти, поскольку местом издания своего поэтического перевода она называет журнал «Телеграф» (имеется в виду «Московский телеграф»), в то время как «Одиночество» появилось в «Сыне Отечества» в 1826 г. [Готовцева 1826]. Знаменательно, что юная Готовцева включается в общий процесс активного освоения творчества Ламартина, разворачивающегося в русской поэзии в первой половине XIX в. Как известно, сборники стихов Ламартина «Поэтические размышления» (*“Méditations poétiques”*, 1820) и «Новые поэтические раздумья» (*“Nouvelles méditations poétiques”*, 1823) вызывают к жизни целый каскад русских переводов [Сурина], [Французская элегия XVIII – XIX в переводах поэтов пушкинской поры: 304–401, 492–564]. Как отмечает В. Э. Вацуро, особенно привлекала русских поэтов элегия Ламартина «Одиночество», переведенная «около десятка» раз [Вацуро 1989: 44]. Готовцева, как и многие ее современники, судя по всему, также была очарована этим стихотворением французского поэта. Однако ее перевод «Одиночества» выглядит, по справедливому мнению

¹ Там же.

² Там же. Л. 18.

Н. Суриной, не просто вольным, но очень далеким от оригинала, не передающим индивидуальные особенности стиля Ламартина [Сурина: 307]. С точки зрения исследовательницы, в переводе Готовцева не смогла сохранить особую интонационную «выделенность», «афористичность», «вершинность» отдельных стихов Ламартина, требующую резкой смены лирической тональности элегии [Сурина: 307]. Думается, что костромская поэтесса, подобно другим отечественным переводчикам, бессознательно подчинила механизм рецепции стихотворения Ламартина, как и его лирического наследия в целом, национальному культурному коду [Сурина], [Гречаная: 15], [Богомолова: 17]. Во-вторых, интонационный рисунок и в целом стиль ламартиновской медитации она интуитивно «согласовала» с природой своего поэтического таланта и трансформировала их в согласии с собственной системой эстетических координат. Особенности же индивидуально-авторского лиризма Готовцевой, воспитанной на русской элегии, потребовали от нее неперемогимого присутствия в переводе «Одиночества» мелодичности, «непрерывной напевной интонации» [Сурина: 307].

Анализируя первый литературный опыт Готовцевой, А. Н. Романова справедливо подчеркивает, что поэтесса «в своем переводе как бы “выпрямляет” и упрощает витиеватость оригинала» [Романова: 65]. Таким образом, творческая модификация элегии Ламартина выполняется костромской поэтессой в ключе традиции русской лирики. По словам исследовательницы, стихи Готовцевой «становятся чуть-чуть детскими, но, пожалуй, более искренними и теплыми» [Романова: 65]. Очевидно, в работе с текстом элегии Ламартина явно перевешивает Готовцева-поэт в ущерб Готовцевой-переводчику.

Примечательно, что в письме, обращенном к Готовцевой до 28 октября 1829 г. и через год опубликованном в альманахе «Денница», П. А. Вяземский как раз и предупреждает ее о том, что переводческая и собственно поэтическая деятельность имеют совершенно разную специфику и часто вступают между собой в конфликтные отношения. Выполняя миссию творческого наставника молодой поэтессы, он дает такие рекомендации своей ученице: «Не буду советовать вам переводить стихи стихами, но для упражнения в языке переводите прозу. Эта работа развяжет вам руку, развяжет выражения ваши, обогатит Вас средствами и формами. <...> Переводы стихотворческие приучают обыкновенно к принужденным оборотам; дают привыч-

ку выражать себя без точности, не решительно, а довольствоваться выражениями, близкими к настоящим, так сказать ходить не прямо к цели ближайшей дорожкой, а бродить около, сбивчиво и нетвердо. Мудрено быть развязным в двойных оковах: мысли и выражения. <...> Вероятно, мы лишились великого поэта в одном из наших переводчиков, именно потому, что он слишком много переводил¹. Из вольных переводчиков образуются обыкновенно невольные поэты» [Вяземский 1830b: 126–127].

Разумеется, нельзя говорить о том, что Вяземский и Готовцева вполне совпадали в восприятии творчества Ламартина. Несмотря на то, что в 1820 г. Вяземский стал одним из первых русских переводчиков лирики французского поэта [Сурина: 299], он, как и А. С. Пушкин, оценивал его художественный феномен весьма неоднозначно [Вацура 1989: 45–46], [Эткинд], [Вольперт]. Высказывания Вяземского о Ламартине были динамичны, диалектичны и отчасти даже противоречивы. Когда в 1823 г. Готовцева взялась за перевод ламартиновского «Одиночества», Вяземский уже написал свою язвительную эпиграмму на французского лирика, которая была напечатана в 1823 г. в «Полярной звезде» [Сурина: 321]. Временами Вяземский отзывался о Ламартине, ставшем кумиром его соотечественников, насмешливо и даже саркастически [Сурина 321–323, 331]. Но важно то, что Вяземский одним из первых среди литературных критиков обозначил проблему гендерных различий в характере восприятия ламартиновских элегий в русской читательской среде. Еще в статье «Письмо из Парижа (Извлечение)», напечатанной в 1826 г. в журнале «Московский телеграф», несмотря на игровую и шутивную окраску своих высказываний, преподнесенных читателю в «маске» французского журналиста, Вяземский проницательно указал на особое увлечение в России поэзией Ламартина именно представительницами прекрасного пола²: «Слышу, что мои милые

¹ Как указывает Ю. Н. Тынянов, в письме к Готовцевой Вяземский намекает на В. А. Жуковского, много времени уделявшего переводческой деятельности, но не вполне реализовавшего, по мнению автора послания, свой поэтический талант [Тынянов: 186].

² Вяземский, как никто из его современников, обладал особой чуткостью к феминному началу в культуре и общественной жизни. Несмотря на часто используемую в письмах и статьях маску циника-шутника, поэт активно стремился утвердить его в русской литературе. Этим объясня-

соотечественницы исписали все альбомы свои стихами из Ламартина <...>» [Вяземский 1826: 64–65].

Впоследствии эти наблюдения Вяземский развил и сопровождал дополнительной аргументацией в статье «О Ламартине и современной французской поэзии», опубликованной в 1830 г. в «Литературной газете». В этой работе он осудил Ламартина за лирическую «однострунность», эмоциональную монотонность, обедняющую его поэтический мир: «Объятый умилением любви, или религии, он всегда одинаково любит и молится. В лире его будто одна струна, один строй <...>» [Вяземский 1830а: 86]. Однако, несмотря на иронию, которая, несомненно, пронизывает в этой статье некоторые оценки творчества Ламартина, столь прославившегося в России, Вяземский все-таки назвал французского лирика «истинным Поэтом» [Вяземский 1830а: 86]. Кроме того, он выделил Ламартина среди его современников как автора, сделавшего масштабное художественное открытие. По словам Вяземского, этот французский поэт «первый покорился владычеству новой Музы, так сказать *Музы внутренней*; первый стал искать вдохновений более в глубине души, нежели в зрелище внешнего мира <...>» [Вяземский 1830а: 86]. В то же время критик совершенно обоснованно акцентировал такую грань ламартиновского лиризма, которая привлекла к нему прежде всего женское читательское сознание. При этом Вяземский противопоставил Ламартину Вальтера Скотта как писателя, воплотившего мужской тип миропонимания. В частности, Вяземский писал:

Обратимся к Ламартину. Он у нас в особенности Поэт женского пола. Если можно применять Поэта к Романисту, то он в глазах читательниц возвышается именно достоинством, коего недостаток столь вредит В. Скотту перед судом женского Ареопага. Любовь есть струна, которая более других звучит под рукою Ламартина, и любовь точно такая, какую женщины любят, по крайней мере, в стихах. В романах Шотландца любовь, напротив, часто посторонняя принадлежность, и где она и высказывается, то слишком просто, не логогрифом сердца, а ясною истиною его и прекрасною своею истиною [Вяземский 1830а: 85].

ется и активное участие Вяземского в творческой судьбе Готовцевой [Коптелова 2024а].

Используя в данном контексте метафору «логогриф сердца», Вяземский метко подчеркнул особую энигматичность поэтики Ламартина, часто передающей впечатление некой недосказанности, порою сигнализирующей о присутствии религиозно-мистической тайны.

Это качество лирики французского романтика, судя по всему, особенно импонировало Готовцевой и во многом вдохновило ее на создание стихотворения «Надежда». Согласно авторской датировке в «Предисловии», произведение было написано в 1823 г. При содействии Вяземского оно было напечатано в журнале «Галатея» за 1829 г.¹ В стихотворении угадывается лирический монолог поэтессы со стихотворением Ламартина «Человек (К Байрону)» («L'Homme») [Французская элегия XVIII — XIX в переводах поэтов пушкинской поры: 308–322]. В самом предпочтении этой ламартиновской медитации, ставшей в «Надежде» предметом творческой рефлексии, также выражается полемическое расхождение авторской позиции Готовцевой с Пушкиным [Эткинд: 167] и Вяземским, поскольку оба поэта скептически относились к библейским мотивам в творчестве французского поэта и даже ставили «под сомнение искренность ламартиновской религиозности» [Вацууро 1989: 46].

Вслед за Ламартином [Богомолова: 10–13] ключевую для романтического сознания антитезу земного и небесного в стихотворении «Надежда» Готовцева осмысляет в христианском ключе. Идея противопоставления земного, бренного и потустороннего миров подчеркнута автором и композиционно, резким делением произведения на две части, включающие по четыре четверостишия с перекрестной рифмовкой. В первой части стихотворения лирическая героиня Готовцевой отрекается от всех земных благ, радостей и очарований, поскольку они оказываются призрачными и преходящими, оборачиваются своей противоположностью и быстро обесцениваются:

Пусть грозная судьба, в своём ожесточении,
До дна мне выпить даст свой пагубный фиал;
Пусть обрежет на скорбь и ранние мученья,
И жизни путь моей пусть проведет меж скал.

¹ В письме к Вяземскому, написанному 28 октября 1829 года, Готовцева благодарила его за поддержку и помощь в публикации ряда её стихотворений [Вацууро 2004: 109].

Пусть счастья заря для сердца не восходит;
Не верен свет ея; ах! нет надежды в ней:
Мелькнёт, как сельный цвет, как тень, она проходит,
Сегодня полубог, а завтра — снесь червей.

Пусть сладкий сон любви меня не обольщает,
Земное все мечта! в нём постоянства нет;
Все, милое нам здесь, проходит, исчезает,
Все сильно истребит сердечной бури след.

Пусть дружба чаши мне отрадной не подносит:
Нередко в ней сокрыт бывает сладкий яд;
Не часто ли друзья удары нам наносят
И рай сердечный наш преобразуют в ад? [Готовцева 1829а: 150].

Примечательно, что предельная эмоциональность тона в стихотворении достигается Готовцевой как раз ориентацией на традицию Ламартина. Поэтесса словно компенсирует стилистическую недостаточность своего перевода «Одиночества». В «Надежде» она уже активно использует идущую от Ламартина риторичность поэтической речи: архаизацию лексики, ораторско-декламационную интонацию. Усилению экспрессии в первой части стихотворения Готовцевой способствует использование анафорической конструкции, образованной повтором слова «пусть». К тому же в четырех первых строфах анафорические элементы соединяются также с приемом градации, что позволяет поэтессе выразить нарастание отчаяния лирической героини, разочаровавшейся в земном «счастье», в «сладком сне любви» и даже в «дружбе», способной превратиться в «ад» [Готовцева 1829а: 150].

Первая часть «Надежды», художественно реализующая мотив отказа от земных соблазнов, насыщена разноплановыми реминисценциями и аллюзиями, обеспечивающими этому фрагменту смысловую полифонию. Примечательно, что первые строки стихотворения Готовцевой отчетливо отсылают не только к источнику, самой элегии Ламартина. Они удивительным образом перекликаются и с одним из ее лучших русских переводов, принадлежащим А. И. По-

лежаеву¹. Парадоксально, но стихотворение Готовцевой, если верить авторской датировке, было написано в 1823 г., в то время как перевод ламартиновского стихотворения “L’Homme”, сделанный Полежаевым, впервые увидел свет в альманахе «Уrania на 1826 год». Однако определенные переклички и даже совпадения в текстах произведений этих авторов очевидны. В стихотворении Готовцевой читаем: «Пусть грозная судьба, в своем ожесточеньи, / До дна мне выпить даст свой пагубный фиал» [Готовцева 1829а: 150]. А это строки из перевода Полежаева: «Хвала Тебе! — Терпел невинно я, страдал, / До дна испил я бед и горестей фиал <...>» [Полежаев: 178].

А вот во второй строфе стихотворения Готовцевой слышен отголосок пятнадцатого и шестнадцатого стихов из 102 псалма. В Псалтири: «Человек, яко трава дние его, яко цвет селный, тако оцветет, / яко дух пройде в нем, и не будет, и не познает ктому места своего» (Псалтирь, 102: 15–16). В лирическом преломлении поэтессы строки псалма трансформируются следующим образом: «<...> Мелькнет, как сельный цвет, как тень, она проходит, / Сегодня полубог, а завтра – снесь червей» [Готовцева 1829а: 150]. Важно то, что воспринимая религиозный импульс от элегии Ламартина “L’Homme”, Готовцева подчиняет его русскому культурному коду, разворачивая библейскую символику в сторону православия. Об этом говорит архаичное словосочетание «снесь червей», восходящее к тексту Требника² (выражение из 17 главы «Последование мертвенное мирских дел») и инвертированное в тексте готовцевской элегии: «Изыдем и узрим во гробех, яко наги кости человек, червей снесь, и смрад, и познаем что богатство, доброты, крепость, благолепие?» (Требник, гл. 17).

¹ О высоком уровне полежаевских переводов Ламартина пишут Н. Коварский [Коварский: 156–171] и Н. Сурина [328–330].

² В православном богословии Требник определяется как «богослуженная книга, в которой излагаются чинопоследования треб — Таинств и других священнодействий, совершаемых Церковью в особых случаях и не входящих по преимуществу в состав храмового (общественного) богослужения суточного, седмичного и годового круга. Книга получила свое название от слова “треба”, которое в древнерусском языке имело сакральный смысл и означало “жертва”, “жертвоприношение”, “молитва”, “исполнение священного обряда” [Православная энциклопедия «Азбука веры»].

Показательно, что религиозная интенция, отчасти наследованная Готовцевой от Ламартина, накладывается в «Надежде» и на осмысление колоссального творческого опыта русских поэтов, как XVIII, так и первой четверти XIX вв., активно использующих в своем творчестве библейские мотивы и образы [Осанкина], [Коровин]. Так, поэтический перифраз 102 псалма, отмеченный нами у Готовцевой, в несколько иной форме встречается и в «траурной» оде Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского»¹ [Ларкович: 127–130]: «Едва увидел я сей свет, / Уже зубами Смерть скрежещет; / Как молний, косою блещет, / И дни мои, как злак сечет» [Державин: 89–90]. Его отметил в своем комментарии к державинскому стихотворению Я. К. Грот [Державин: 90]. Отсылающее к Требнику выражение «снесь червей», присутствующее в элегии костромской поэтессы, может быть также аллюзией на державинские строки: «Ничто от роковых когтей, / Никая тварь не убегает: / Монарх и узник — снесь червей; / Гробницы злость стихий снедает <...>» [Державин: 90].

Как видим, образный мир ламартиновской элегии в первой части стихотворения Готовцевой вполне «рифмуется» с философско-художественной концепцией, воплощенной в «траурной» оде Державина. Их смысловое соположение и творчески преобразующий синтез в «Надежде» говорят о разветвленных истоках стихотворения и подводят к проблеме полигенезиса творчества поэтессы в целом, по сути дела, в равной мере глубоко погруженной в искания как европейской, так и русской литературы. Поэтический диалог с Ламартином и Державиным определяет и жанровую специфику элегии Готовцевой, реализующей (особенно в первой части) в том числе и одический тип лиризма.

Солидаризируясь с художественной философией Ламартина, в стихотворении «Надежда» Готовцева как бы опосредованно поддерживает его духовный спор с Д. Г. Байроном, развернутый в элегии «Человек (К Байрону)». Согласно представлениям Ламартина, великий бунтарь, Байрон бросает вызов Богу, отказываясь от надежды, органически сращенной с любовью и верой: *“Ton oeil, comme Satan, a mesuré l’abîme, / Et ton âme, y plongeant loin du jour et de Dieu, / A dit à l’espérance un éternel adieu!”* [Французская элегия XVIII — XIX в переводах поэтов пушкин-

¹ Впервые она была опубликована в журнале «Санкт-Петербургский вестник» за 1779 г. (часть 4) под заглавием «Ода на смерть К. М. к***».

ской поры: 308]. Полежаев переводит эти строки Ламартина следующим образом: «В душе твоей не Бог, но демон искушенья. — / Как он, ты движешь всё, ты мрака властелин. / Надежды кроткий луч — отвергнул ты один» [Полежаев: 172–173]. В свою очередь, мотив надежды становится композиционным стержнем элегии Готовцевой. То, что презирает и отвергает Байрон, оказывается для костромской поэтессы главной духовной ценностью, определяющей смысл ее жизни:

Но ты, души моей небесная отрада,
Надежда ясная, меня не оставляй;
Будь страннице земли¹ подпора и награда,
И тёмной жизни путь хоть мельком освещай!

Посланница Небес, о гостя неземная!
С тобой беспечно я пускаюсь в море бед,
Ты якорь — и вдали блистает цель святая, —
Другая жизнь — в которой скорби нет!

Там сердца буйного умолкнул все желанья,
Там страсти замолчат, настанет тишина,
Не будут там томить безвестны ожиданья,
Загадка бытия там будет решена.

Но ты, небесная! прейдёшь ли в вечность с нами?
Или, исполня цель, к началу воспарிшь?
Увы! тебя одну теряю со слезами,
Ты на земле одна мой скорбный дух живишь
[Готовцева 1829а: 151].

Особенности поэтики второй части стихотворения Готовцевой определяет фактор адресованности. Причем адресатом в элегии оказывается сама надежда. Ее образ в интерпретации Готовцевой отчасти

¹ В рукописи Готовцевой, отправленной Бартеневу, используется выражение «страннице земной» вместо словосочетания «страннице земли», напечатанного в журнальной публикации. См.: *Готовцева А. И.* Стихотворения А. И. Корниловой, урожденной Готовцевой [1851]. РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 11.

персонифицируется. Надежда приобретает антропоморфные черты: превращается в героиню, имеющую женский облик. В то же время, по логике лирического сюжета, эскизно прочерченного в стихотворении, надежда предстает и носительницей божественного света, позволяющего преодолеть тьму земного существования. Это подчеркивается эпитетом «ясная», входящим в структуру обращения «надежда ясная». Надежда дарит лирической героине стихотворения и чувство духовного равновесия, нравственной устойчивости. Не случайно она уподобляется поэтессой «якорю» «в море бед» [Готовцева 1829а: 151]. Сакрализация образа надежды в элегии Готовцевой достигается и благодаря использованию следующих обращений-перифразов: «души моей небесная отрада», «посланница Небес, о гостя неземная», «но ты, небесная» [Готовцева 1829а: 151].

Смысловое наполнение символа надежды, созданного в стихотворении Готовцевой, отчетливо коррелирует с традиционными христианскими представлениями. В своей элегии костромская поэтесса ближе всего подходит к такому толкованию понятия надежды, которое встречается в высказываниях преподобного Иоанна Лествичника и преподобного Ефрема Сирина [Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского]. Согласно философской концепции, художественно воплощенной в ее стихотворении, миссия надежды заключается в установлении контакта между миром земным и миром небесным, в подготовке человека к «другой жизни», где «скорби нет», где «решена» «загадка бытия» [Готовцева 1829а: 151]. Вслед за Ефремом Сирином лирическая героиня Готовцевой считает надежду, наряду с верой и любовью, ступенью «прекрасного восхождения, возводящего на небеса» [Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского].

В стихотворении Готовцевой «Надежда» можно обнаружить ряд идейных перекличек с одноименной элегией К. Н. Батюшкова, напечатанной в 1817 г. Как и у Готовцевой, в произведении Батюшкова звучит гимн надежде как бесценному дару Бога: «Всё дар его: и краше всех / Даров, Надежда лучшей жизни!» [Батюшков: 10]. У обоих авторов лирический субъект высшей ценностью объявляет мир потусторонний, небесный. Именно туда устремляется его душа, воспринимающая пребывание на земле как приготовление к «другой жизни» [Готовцева 1829а: 151]. В стихотворении Готовцевой вечность характеризуется как

пространство духовной гармонии, наполненное безмолвием, покоем и умиротворением: «Там страсти замолчат, настанет тишина» [Готовцева 1829а: 151]. Лирический герой элегии Батюшкова также мечтает обрести новую жизнь вне бренного существования. Он, как и героиня элегии Готовцевой, стремится вырваться из земного тлена, чтобы вернуться на свою небесную родину, воссоединиться с Царством Божиим: «Когда ж узрю спокойный брег, / Страну желанную отчизны? / Когда струей небесных благ / Я утолю любви желанье, / Земную ризу брошу в прах / И обновлю существованье?» [Батюшков: 10].

Однако в стихотворениях Батюшкова и Готовцевой реализуются различные формы религиозной медитации. В элегии Батюшкова воспоминание о надежде как величайшем духовном чуде, дарованном Богом, фрагментарно. Поэт имеет в виду, прежде всего, надежду на жизнь вечную, в его определении «лучшую» [Батюшков: 10]. В стихотворении Батюшкова упоминание о надежде возникает в контексте общих размышлений лирического субъекта о всемогущей власти и милости Творца. Оно подчинено стремлению за все неустанно благодарить и прославлять Отца небесного: «Мой дух! доверенность к Творцу! / Мужайся; будь в терпении камень. / Не Он ли к лучшему концу / Меня провел сквозь бранный пламень?» [Батюшков: 9]. Таким образом, Батюшков идет к пониманию сущности такой христианской добродетели, как надежда, от решения глобального философского вопроса — от постижения тайны Бога в целом. Религиозная медитация, запечатленная в элегии Готовцевой, направлена по противоположному вектору. В центре произведения костромской поэтессы оказывается именно сокровенный разговор лирической героини с надеждой. Через эту ситуацию мистического общения в стихотворении и открывается истинный героиней путь к Богу. Однако, в отличие от Батюшкова, Готовцева не упоминает имя Господа. Она не прибегает к таким словам-перифразам, как «Творец», «Он», «Вожатый», которые использует Батюшков [Батюшков: 9]. И даже о божественной природе надежды Готовцева говорит только тонкими намеками, определяя ее «неземное», «небесное» происхождение. Этот прием весьма характерен для поэтики Готовцевой в целом. Он указывает на особую недосказанность, энигматичность ее художественного мышления. По сравнению с произведением Батюшкова, элегия Готовцевой более насыщена лирической рефлексией. Об этом свидетельствует последняя строфа стихотворения, в ко-

торой звучат тревожные вопросы, нарушающие атмосферу идиллии, доминирующую во второй строфе. Они обнаруживают сомнения героини, боязнь потерять надежду — единственную ценность для нее в земной жизни, при переходе в мир иной: «Но ты, небесная! преидеши ли в вечность с нами? / Или, исполня цель, к началу воспариишь?» [Готовцева 1829а: 151].

Помимо стихотворений «Одиночество» и «Надежда», влияние творчества Ламартина отзывается в создании элегии Готовцевой «Осень»¹. Одним из импульсов к ее написанию стало одноименное стихотворение французского лирика “L’automne” («Осень») [Французская элегия XVIII — XIX в переводах поэтов пушкинской поры: 400–402]. Элегия Готовцевой «Осень», если верить авторской датировке поэтессы, была написана в 1825 г. [Готовцева 1851: 18]. Как и «Надежда», «Осень» была напечатана на страницах журнала «Галатея» за 1829 г. (часть 8).

Примечательно, что элегии поэтессы «Надежда» и «Осень» связывает не только общий ламартиновский субстрат, но и отчетливо выраженная диалогическая переключка. Эти произведения образуют своеобразный поэтический диптих. «Осень» воспринимает от «Надежды» и затем развивает ряд ключевых мотивов, характеризующих религиозное мирозерцание Готовцевой и репрезентирующих ее аксиологию. Так, и в «Надежде», и в «Осени» значимую смыслообразующую роль играет мотив осеннего увядания природы, используемый поэтессой как метафора земной жизни человека, быстротечной и неизменно подходящей к своему концу. Как мы отметили, в «Надежде» его художественное воплощение во многом восходит к переосмыслению словесных выражений, почерпнутых поэтессой из Псалтири (Псалтирь, 102: 15–16) и Требника (Требник, гл. 17).

В первых двух строфах элегии «Осень» Готовцева, точно следуя за Ламартином, сохраняет его энергию ораторской интонации, а также страстную взволнованность поэтической речи, запечатленную в риторических вопросах и восклицаниях. В то же время она преемственно сохраняет параллелизм образов природы и человеческого существования, ставший основой композиции элегии французского романтика:

¹ Е. Г. Эткинд отмечает, что «Осень» Ламартина стала стимулом и для написания одноимённого пушкинского стихотворения в 1833 году [Эткинд: 172–173].

Леса пустынные, что вы? Что случилось с вами?
Где украшение? Нет тени, нет листов!
Где прелесть, где весна? Что сделалось с цветами?
Нет зелени в полях, и мрачен вид лугов.

Всё тихо, смолкнули весёлых птичек хоры,
Осенний холодный ветер уныло лишь шумит;
В туман облечены долины, рощи, горы;
Поблекнула трава, и лист сухой летит
[Готовцева 1829b: 251].

Готовцева совпадает с Ламартином в философской проекции картины осеннего увядания природы на представления о быстротечности и конечности человеческой жизни на земле. Но она «выносит за скобки» многие мотивы, характерные для «Осени» Ламартина. Их перечень точно выстраивает в своей статье И. Каннуникова. Это — «приветствие последним прекрасным дням уходящей осени; сравнение поздней осени с последней улыбкой умирающего друга; жалоба на собственные безутешные воспоминания; желание продлить горькое и все же прекрасное мгновение прощания с жизнью; надежда на проблеск счастья, на появление родственной поэту души» [Каннуникова]. В третьей строфе «Осени», в отличие от Ламартина, истолкование мотива осеннего увядания поэта переклюкает в библейский регистр:

Не так ли все пройдет? Не так ли исчезает
Минутный мира гость, любимец — царь земли?
И время быстрое не так ли истребляет
Цвет юношеских лет, как красоту весны?
[Готовцева 1829b: 251].

Здесь Готовцева ассоциативно отсылает читателя не только к стихам Псалтири, актуализированным в «Надежде», но и к строкам из книги пророка Исая: «Засыхает трава, увядает цвет, когда дунет на него дувение Господа: так и народ — трава. / Трава засыхает, цвет увядает, а слово Бога нашего пребудет вечно» (Ис. 40: 7–8). Как и в стихотворении «Надежда», в элегии «Осень» поэта противопоставляет земной мир, наполненный соблазнами и иллюзиями, подверженный увяда-

нию и тлению, миру небесному, потустороннему, где человека ожидает жизнь вечная. И в этом тематическом повороте Готовцева уходит от философии, выраженной в стихотворении Ламартина. В сущности, поэтесса даже вступает с ним в полемику, подобно тому, как в стихотворении «Надежда» она стремилась опровергнуть богоборчество Байрона. При этом Готовцева решительно преодолевает чувство безутешной горечи, запечатленное в элегии Ламартина, утверждая христианскую идею вечной жизни, наполняющую оптимизмом и просветляющую настроение «Осени».

В поэтике «Осени», как и в «Надежде», важную художественную функцию выполняет элемент адресации. Но на этот раз адресатом обращения лирической героини становится не христианская добродетель, надежда, а люди, лишенные веры в Бога, привязанные исключительно к своим житейским земным заботам и не способные приблизиться к идее бессмертия. Им не дано почувствовать мистического света Творца:

О вы, которые надеждами, страстями
Прикованы к земле, где всё мечта и тень,
Оплачьте жребий свой; вы робкими умами
Не постигаете бессмертья светлу сень
[Готовцева 1829b: 251].

В Библии образ осени многозначен. Апеллируя к библейской традиции, в элегии Готовцева эту многозначность сохраняет. В ее интерпретации, как и в Библии, осень предстает не только метафорой земной жизни человека, неизбежно быстротечной и конечной, но временем подведения итогов, порой духовной жатвы, о чем не раз говорится в Новом Завете. Процитированная выше строфа готовцевской элегии явно навеяна и идейно подпитана словами апостола Павла из Послания к галатам: «Что посеет человек, то и пожнет: / сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6: 7–8).

Кроме того, в стихотворении Готовцева осваивает и творчески преломляет мотив круговорота времен года, символизирующий цикличность бытия. Через антитетичный символу осени образ весны поэтесса передает пасхальное упование, являющееся константой культурного

кода отечественной словесности¹. Картина цветущего ликования природы, созданная в пятой строфе элегии, становится знаком воскресения, жизни вечной, в которую искренне верит лирическая героиня Готовцевой:

Душа высокая с весельем к ней стремится,
И внемлет ропот ваш с улыбкой и слезой:
Не снова ли весна с цветами возвратиться?
Не снова ль заблестит природа красотой?
[Готовцева 1829б: 251].

Идея пасхальности транслируется поэтессой и в антитезе заходящего и восходящего солнца, иносказательно зашифровывающей мотив преодоления смерти: «В туманах запада навек ли солнце скрылось? / Нет, нет, оно взойдет воспламенить восток!» [Готовцева 1829б: 251]. В отличие от элегии «Надежда», в финале которой лирическая героиня выражает сомнения, говорит о своем страхе на пороге вечности расстаться с «небесной гостьей», «Осень» завершается оптимистичным, жизнеутверждающим выводом. Лирическая героиня Готовцевой обретает духовную силу в безоговорочной вере в промысел Божий, в осознании того, что в ее личности присутствует божественное начало. В отличие от «Надежды», в контексте «Осени» взволнованные риторические вопросы, звучащие в пятой и шестой строфах стихотворения, выражают не сомнение, а радость и уверенность лирической героини: «И мне ль ничтожной быть, в ком божество таилось, / Когда без промысла не гибнет и цветок?» [Готовцева 1829б: 251]. В процитированном поэтическом фрагменте явно соединяются библейские аллюзии. Первая строка («И мне ль ничтожной быть, в ком божество таилось») восходит к основополагающей для христиан истине, запечатленной в 26 стихе 1 главы книги Бытия: «И сказал Бог: Сотворим человека по образу Нашему и подобию Нашему <...> » (Быт. 1: 26). А во второй строке Готовцева как бы вновь возвращает читателя к мудрости пророка Исайи (Ис. 40: 7–80), определившей философию третьей строфы: «Когда без промысла не гибнет и цветок?» [Готовцева 1829б: 251]. Таким образом, вариативное переосмысление поэтессой мотивов из

¹ И. А. Есаулов отмечает пасхальность как одну из доминант русской литературы [Есаулов].

книги Исаяи в элегии «Осень» образует своеобразную композиционную спираль.

В последней строфе «Осени» мотив надежды, ключевой в одноименном стихотворении Готовцевой, дополняется мотивом смирения как основы веры в жизнь вечную, о тайне которой лирической героине напоминает постоянная смена времен года, неизменная цикличность природного бытия:

Пусть мысль безумная — я тайный голос внемлю:
Надейся и смирись — Творец так повелел!
Есть вечная весна! — Ты обратишься в землю,
Но снова расцветешь: бессмертье — твой удел!
[Готовцева 1829b: 252].

В конечном счете, поэтесса отбрасывает меланхолию, окрашивающую стихотворение Ламартина, используя в «Осени», как и в «Надежде», антитетичную композицию. Первая часть элегии Готовцевой, то есть первые три строфы, выполнена в лирическом миноре. Но вот во второй части стихотворения, включающей следующие четыре строфы, уже доминирует интонация радостного воодушевления, связанная с православными мировоззрением поэтессы.

Таким образом, рассмотренные нами элегии Готовцевой («Одиночество», «Надежда», «Осень»), написанные в 1823–1825 гг., дают представление о генезисе творчества костромской поэтессы, о специфике поэтики ее лирики в обозначенный период. Они характеризует вехи художественного самоопределения и эволюции Готовцевой. Так или иначе, все эти стихотворения созданы в поле притяжения к традиции Ламартина.

Элегия «Одиночество» — перевод одноименного ламартиновского стихотворения. Она была первым произведением Готовцевой и свидетельствовала о том, что костромская поэтесса, как и многие ее современники, была увлечена творчеством французского романтика. Кроме того, вольный характер перевода показывал бессознательное стремление Готовцевой подчинить французский источник русскому культурному коду, переосмыслить его. Уже в «Одиночестве» отчетливо проявилась творческая индивидуальность поэтессы: Готовцева редуцировала одическую риторичность Ламартина, заменив ее особой,

женской, лиричностью и напевностью интонации, что соответствовало отечественной элегической традиции.

В структуру генезиса стихотворения «Надежда» также вошел ламартиновский субстрат. В этом произведении Готовцева вступает в диалог с французским романтиком, творчески откликаясь на образы и мотивы из его элегии «Человек (К Байрону)». Поэтесса как бы опосредованно поддерживает духовный спор Ламартина с богоборцем Д. Г. Байроном, отвергнувшим надежду как христианскую добродетель. И в этой элегии, в отличие от «Одиночества», она уже активно использует идущую от Ламартина риторичность поэтической речи: архаизацию лексики, ораторско-декламационную интонацию. В стихотворении Готовцевой встречаются строки, почти буквально совпадающие с фразами из русского перевода ламартиновской элегии Полежаева. Смысловая полифония «Надежды» в то же время обеспечивается разноплановыми реминисценциями и аллюзиями, почерпнутыми из «траурной» оды Державина «На смерть князя Мещерского», из Псалтири и Требника. В этой элегии костромская поэтесса ближе всего подходит к толкованию понятия надежды, содержащемуся в высказываниях преподобного Иоанна Лествичника и преподобного Ефрема Сирина.

В стихотворении Готовцевой «Надежда» можно обнаружить ряд идейных переключек с одноименной элегией Батюшкова. Тем не менее, в произведениях этих авторов реализуются различные формы религиозной медитации. В стихотворении Батюшкова упоминание о надежде возникает лишь в контексте общих размышлений лирического субъекта о всемогущей власти и милости Творца. В центре элегии Готовцевой оказывается сокровенный разговор лирической героини с надеждой. Через эту ситуацию мистического общения в стихотворении и открывается искомый героиней путь к Богу.

Элегия «Осень» также транслирует диалектику освоения Готовцевой ламартиновской традиции. В стихотворении художественно воплощается как притяжение, так и отталкивание от творческого опыта французского поэта. Готовцева сохраняет в «Осени» ламартиновскую ориентацию на традицию ораторской речи. Она воспроизводит параллелизм образов природы и человеческого существования, ставший основой композиции элегии французского романтика. Однако Готовцева явно уходит от философии, выраженной в стихотворении Ламартина. Поэтесса даже вступает с ним в полемику, подобно тому, как в стихо-

творении «Надежда» она стремилась опровергнуть богоборчество Байрона. Готовцева преодолевает чувство безутешной горечи, запечатленное в элегии Ламартина, и утверждает христианскую по своим истокам идею вечной жизни, наполняющую оптимизмом и просветляющую настроение «Осени». Истолковать мотив осеннего увядания в религиозном ключе поэтессе позволяют библейские реминисценции (отсылки к Псалтири, Требнику, к книге Бытия, к книге пророка Исаи, к Посланию апостола Павла к галатам).

Элегии «Надежда» и «Осень» вступают друг с другом в диалогическую перекличку и образуют идейно-художественное единство, репрезентирующее аксиологию Готовцевой и характеризующее ее творческую эволюцию. Эти стихотворения объединяет мотив осеннего увядания природы, интерпретируемый поэтессой как метафора земной жизни человека, быстротечной и неизменно конечной. Обе элегии имеют антитетичную композицию, коррелирующую с романтическим двоемирием и философскими представлениями христианства. Специфика поэтики и «Надежды», и «Осени» во многом определяется фактором адресации.

Однако в финале «Осени» нет рефлектирующих нот, характерных для «Надежды». Напротив, ключевую смыслообразующую роль в ней играет идея пасхальности, являющаяся константой русской словесности и позволяющая поставить в размышлениях лирической героини стихотворения жизнеутверждающую точку. Кроме того, лейтмотив надежды, столь важный для обеих элегий Готовцевой, дополняется в «Осени» весьма значимым для смысла стихотворения мотивом христианского смирения.

Список литературы

Источники

Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе Константина Батюшкова. СПб.: В тип. Н. Греча, 1817. Ч. 2: Стихи. 285 с.

Вяземский П. А. О Ламартине и современной французской поэзии // Литературная газета. 1830а. Т. 2. № 47. С. 85–87.

Вяземский П. А. Отрывок из письма к А. И. Г-ой // Денница на 1830 год: альманах, изданный М. Максимовичем. М.: В Унив. тип., 1830b. С. 122–134.

Вяземский П. А. Письмо из Парижа (Извлечение) // Московский телеграф. 1826. Ч. 12. № 22. С. 51–66.

Готовцева А. И. Надежда // Галатея. 1829а. Ч. 2. С. 150–151.

Готовцева А. И. Одиночество (перевод из Ламартина) // Сын Отечества. 1826. Ч. 106, № 5. С. 107–109.

Готовцева А. И. Осень // Галатея. 1829b. Ч. 8. С. 251–252.

Державин Г. Р. Сочинения Державина / с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1864. 872 с.

Полежаев А. И. Человек. К Байрону (Из Ламартина) // Урания на 1826 год. Карманная книжка на 1826 год для любительниц и любителей русской словесности. М.: Наука, 1998. С. 172–180.

Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/trebnik> (дата обращения: 30.01.2025).

Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: электронная версия. URL: <https://www.pravenc.ru/> (дата обращения: 05.01.2025).

Северные цветы на 1829 год. СПб.: В Тип. департам. народн. просвещ., 1828. 207 с.

Французская элегия XVIII – XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. М.: Радуга, 1989. 687 с.

Исследования

Богомолова Е. С. Философско-эстетическое своеобразие элегий Альфонса де Ламартина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.

Бочков В. Н. «Твой недосказанный упрек» // Бочков В. Н. Костромские спутники Пушкина: историко-художественные очерки: юбилейный выпуск журнала «Губернский дом». Кострома: Губернский дом, 2002. С. 141–154.

Вацуро В. Э. Пушкинский альманах // Вацуро В. Э. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 83–117.

Вацуро В. Э. Французская элегия XVIII – XIX веков и русская лирика // Французская элегия XVIII – XIX в переводах поэтов пушкинской поры. М.: Радуга, 1989. С. 27–48.

Вольперт Л. И. Ламартин // Пушкин: Исследования и материалы. М.: Наука, 2004. С. 183–184.

Гречаная Е. П. Литературное взаимодействие Франции и России и культурное самоопределение (конец XVIII века — первая четверть XIX века): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 36 с.

Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.

Каннуникова И. Французская поэзия в русской усадьбной культуре начала 19 века (Литературные переводы П. А. Межакова). URL: https://www.booksite.ru/usadba_new/nicol/2_12.htm (дата обращения 06.02. 2025).

Коварский Н. Полежаев и французская поэзия // Русская поэзия XIX века: сб. ст. / под ред. и с предисл. Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова. Л.: Academia, 1929. С. 0 142–175.

Коптелова Н. Г. А. И. Готовцева и П. А. Вяземский: история творческих взаимоотношений // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. 2024а. № 6. С. 65–73.

Коптелова Н. Г. Бартеневский след в творчестве А. И. Готовцевой // Два века русской классики. 2024b. Т. 6, № 1. С. 38–73.

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-38-73>

Коровин В. Л. Библейские темы в русской поэзии XVIII – первой половины XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017. 39 с.

Ларкович Д. В. Жанровая динамика «траурной» оды Г. Р. Державина // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2009. № 3 (65). С. 123–137.

Лебедев Ю. В. Анна Ивановна Готовцева // Лебедев Ю. В., Романова А. Н. Литература Костромского края. Вторая половина XVIII – первая половина XIX века: учебное пособие. Кострома: КГУ, 2018. С. 99–111.

Осанкина В. А. Библейско-евангельская традиция в эстетике и поэзии русского романтизма: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001. 35 с.

Романова А. Н. Собеседница поэтов Анна Готовцева. К истории литературных отношений пушкинской эпохи // Литература в школе. 2020. № 2. С. 62–75.

Сурина Н. Русский Ламартин // Русская поэзия XIX века: сб. ст. / под ред. и с предисл. Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова. Л.: Academia, 1929. С. 229–335.

Тынянов Ю. Н. Пушкин и Тютчев // *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М.: Наука, 1959. С. 166–191.

Чупринова Н. В. Женское творчество в «альманашный период» русской литературы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 203 с.

Эткинд Е. Г. Пушкин в споре с Ламартином // *Эткинд Е. Г.* Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 165–200.

References

- Bogomolova, E. S. *Filosofsko-esteticheskoe svoeobrazie elegii Al'fonsa de Lamartina* [The Philosophical and Aesthetic Originality of the Elegies of Alphonse de Lamartine: DSc Thesis, Summary]. Moscow, 2006. 24 p. (In Russ.)
- Bochkov, V. N. “‘Tvoi nedoskazannyi uprek’.” [“Your Unsaid Reproach.”] Bochkov, V. N. *Kostromskie sputniki Pushkina: istoriko-khudozhestvennye ocherki: iubileinyi vypusk zhurnala “Gubernskii dom”* [Kostroma Companions of Pushkin: Historical and Artistic Essays: Anniversary Issue of the Magazine “Gubernsky Dom”]. Kostroma, Gubernskii dom Publ., 2002b, pp. 141–154. (In Russ.)
- Vatsuro, V. E. “Pushkinskii al'manakh” [“Pushkin's Almanac”]. Vatsuro, V. E. *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 83–117. (In Russ.)
- Vatsuro, V. E. “Frantsuzskaia elegiia XVIII – XIX vekov i russkaia lirika” [“French Elegy of the 18th – 19th Centuries and Russian Lyric Poetry”]. *Frantsuzskaia elegiia XVIII – XIX vekov v perevodakh poetov pushkinskoi pory* [French Elegy of the 18th – 19th Centuries in the Translations of the Poets of Pushkin's Time]. Moscow, Raduga Publ., 1989, pp. 27–48. (In Russ.)
- Vol'pert, L. I. “Lamartin” [“Lamartine”]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [Pushkin: Research and Materials]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 183–184. (In Russ.)
- Grechanaia, E. P. *Literaturnoe vzaimodeistvie Frantsii i Rossii i kul'turnoe samoopredelenie (konets XVIII veka – pervaiia chetvert' XIX veka)* [Literary Interaction Between France and Russia and Cultural Self-determination (Late 18th Century and First Quarter of the 19th Century): DSc Thesis, Summary]. Moscow, 2003. 36 p. (In Russ.)
- Esaulov, I. A. *Paskhal'nost' russkoi slovesnosti* [Easternness of Russian Literature]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
- Kannunikova, I. *Frantsuzskaia poeziia v russkoi usadebnoi kul'ture nachala 19 veka (Literaturnye perevody P. A. Mezhakova)* [French Poetry in Russian Estate Culture of the Early 19th Century (Literary Translations by P. A. Mezhakov)]. Available at: https://www.booksite.ru/usadba_new/nicol/2_12.htm (Accessed 15 January 2024). (In Russ.)
- Kovarskii, N. “Polezhaev i frantsuzskaia poeziia” [“Polezhaev and French Poetry”]. Eikhenbaum, B. M., and Iu. N. Tynyanov, editors. *Russkaia poeziia XIX veka: sbornik statei* [Russian Poetry of the 19th Century: Collection of Articles]. Leningrad, Academia Publ., 1929, pp. 142–175. (In Russ.)
- Koptelova, N. G. “A. I. Gotovtseva i P. A. Viazemskii: istoriia tvorcheskikh vzaimootnoshenii” [“A. I. Gotovtseva and P. A. Vyazemsky: History of Creative Relationships”]. *Filologicheskie nauki: Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 6, 2024a, pp. 65–73. (In Russ.)
- Koptelova, N. G. “Bartenevskii sled v tvorchestve A. I. Gotovtsevoi” [“Bartenev's Trace in the Work of A. I. Gotovtseva”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 1, 2024b, pp. 38–73. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-38-73> (In Russ.)
- Korovin, V. L. *Bibleiskie temy v russkoi poezii XVIII – pervoi poloviny XIX veka* [Biblical Themes in Russian Poetry of the 18th – First Half of the 19th Century: DSc Thesis, Summary]. Moscow, 2017. 39 p. (In Russ.)

Larkovich, D. V. “Zhanrovaia dinamika ‘traurnoi’ ody G. R. Derzhavina” [“Genre Dynamics of the ‘mourning’ Ode by G. R. Derzhavin”]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia 2: Gumanitarnye nauki*, no. 3 (65), 2009, pp. 123–137. (In Russ.)

Lebedev, Iu. V. “Anna Ivanovna Gotovtseva” [“Anna Ivanovna Gotovtseva”]. Lebedev, Iu. V., and A. N. Romanova. *Literatura Kostromskogo kraia. Vtoraia polovina XVIII – pervaiia polovina XIX veka: uchebnoe posobie* [Literature of the Kostroma Region. Second Half of the 18th and First Half of the 19th Century: Textbook]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2018, pp. 99–111. (In Russ.)

Osankina, V. A. *Bibleisko-evangel'skaia traditsiia v estetike i poezii russkogo romantizma* [Biblical-Evangelical Tradition in the Aesthetics and Poetry of Russian Romanticism: DSc Thesis, Summary]. Ekaterinburg, 2001. 35 p. (In Russ.)

Romanova, A. N. “Sobesednitsa poetov Anna Gotovtseva. K istorii literaturnykh otnoshenii pushkinskoi epokhi” [“Interlocutor of Poets Anna Gotovtseva. On the History of Literary Relations of the Pushkin Era”]. *Literatura v shkole*, no. 2, 2020, pp. 62–75. (In Russ.)

Surina, N. “Russkii Lamartin” [“Russian Lamartine”]. Eikhenbaum, B. M., and Iu. N. Tynyanov, editors. *Russkaia poeziia XIX veka: sbornik statei* [Russian Poetry of the 19th Century: Collection of Articles]. Leningrad, Academia Publ., 1929, pp. 229–335. (In Russ.)

Tynianov, Iu. N. “Pushkin i Tiutchev” [“Pushkin and Tyutchev”]. Tynianov, Iu. N. *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and his Contemporaries]. Moscow, Nauka Publ., 1959, pp. 166–191. (In Russ.)

Chuprinova, N. V. *Zhenskoe tvorchestvo v “al'manashnyi period” russkoi literatury* [Women's Creativity in the “Almanac Period” of Russian Literature: PhD Dissertation]. Moscow, 2018. 203 p. (In Russ.)

Etkind, E. G. “Pushkin v spore s Lamartinom” [“Pushkin in a Dispute with Lamartine”]. Etkind, E. G. *Bozhestvennyi glagol: Pushkin, pročitannyi v Rossii i vo Frantsii* [Divine Verb: Pushkin, Read in Russia and in France]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, pp. 165–200. (In Russ.)